

## Глава 18. Пролёт диких гусей

В Башне Встречи Гостей воцарилось гнетущее молчание. Старик Туди, конечно, отправил весть в Небесный чертог, но при тамошней волоките подмоги можно было ждать до дождичка в четверг. Если они не вырвутся отсюда за четыре дня, то неизбежно пополнят ряды разбросанных по улицам костей.

Ху Цзюмин покосился в окно. Там как раз пролетала стая диких гусей. Оказавшись в пределах Столицы Вечного Веселья, птицы из-за наложенного на город барьера потеряли дорогу назад и теперь лишь обречённо кружили над крышами. Глядя на этих упитанных гусей, Ху Цзюмин невольно сглотнул — голод уже давал о себе знать.

Лис нетерпеливо перебирал лапами, а его хвост сам собой взметнулся трубой. Он уже нацелился улизнуть наружу и сцапать одного из гусей. Цзи Цин, разумеется, почувствовал, как зашевелился пушистый комок на его плече. И только в этот момент даос осознал, что до сих пор почему-то не сбросил наглого зверя.

Схватив лиса за шкурку, Цзи Цин бесцеремонно снял его с плеча и, словно оправдываясь, буркнул:

— Мне пора медитировать.

Едва даос закрыл глаза, Ху Цзюмин на своих коротких лапках вспрыгнул на подоконник. Отсюда у самого подножия крепостной стены был виден пышный гибискус. Гуси, устав от бесплодных попыток вырваться, как раз устроились на его ветвях на ночлег. Окинув безразличным взглядом копошащиеся внизу у таверны скелеты, лис спрыгнул обратно на пол и свернулся клубком у ног Цзи Цина.

Старик Туди сидел в одиночестве на деревянной скамье у лестницы, зорко следя за происходящим. Заметив, что лис опять примостился у ног Цзи Цина, дух земли нахмурился. Он решительно не понимал, что за странная чертовщина здесь творится. Но поразмыслить над этой загадкой ему не дали: мимо него, густо покраснев, вихрем промчался Тайбай Цзиньсин и скатился по лестнице вниз.

Судя по грохоту внизу, перепуганный небожитель вполне мог проломить деревянные половицы. Следом за ним, мягко и снисходительно улыбаясь, неспешной походкой проследовал Юэлао. Старик Туди проводил его взглядом, затем посмотрел на свой посох и проворчал под нос:

— И что только творится с нынешней молодёжью...

Паря на облаке высоко в небе, Хуа Цин созерцал мёртвое безмолвие раскинувшегося внизу города. Над Столицей Вечного Веселья багровым куполом, похожим на перевёрнутую исполинскую чашу, нависла кровавая чародейская преграда. Этот барьер наглухо глушил

любые звуки, доносившиеся изнутри, оставляя для внешнего наблюдателя лишь размытые, призрачные очертания.

О великой войне древности, отгремевшей десять тысяч лет назад, Хуа Цин знал немного. Однако в секретных архивах царства демонов ему как-то удалось наткнуться на крупницы сведений о первородных демонах. Хроники гласили, что в той древней битве воинство бессмертных одержало верх лишь чудом, благодаря вмешательству одного таинственного воителя, который бесследно исчез сразу после победы. Наведя порядок в Трёх Мирах, небесное воинство заточило последнюю уцелевшую демоническую душу, однако о месте её заточения в свитках не говорилось ни слова.

Большая часть уцелевших записей была посвящена описанию древних магических массивов и способам распознавания бессмертных и демонов. В самом конце упоминалось Подземное море — величайшая загадка Трёх Миров. Хуа Цин в своё время пытался проникнуть туда, но далеко заходить не решился: даже стоя на пустынном берегу, он спиной ощущал, как за плотной завесой клубящейся смерти таится нечто неизмеримо более жуткое.

Глядя на раскинувшийся внизу барьер, Хуа Цин сразу узнал в нём Великий массив Кровавого жертвоприношения. Разгадав связь этой магии с древними божествами и демонами, он рассудил, что разумнее будет осмотреться снаружи. Даже с его колоссальными силами опрометчивый шаг внутрь купола не гарантировал благополучного возвращения.

Сумерки сгустились стремительно, унося последние отблески заката. Окружающий мир погрузился во тьму. Из-за багровой пелены барьера некогда серебристая луна теперь казалась налитой кровью. Её зловещее сияние пробивалось сквозь преграду, дыша ледяной стужей.

Стоило багровым лучам коснуться мертвенно-белых костей, как от них повалил густой лазурный туман. Подхваченный ледяным сквозняком, он медленно пополз по улицам, укрывая Столицу Вечного Веселья плотным саваном. В этой призрачной дымке бесследно растворились копошащиеся до того скелеты, и над миром повисла зловещая тишина.

Ху Цзюмин тем временем вновь взобрался на подоконник. Разглядывая окутанные тёмной скверной переулки, он решил на вылазку. Воровато оглянувшись на неподвижно медитирующего даоса, лис спрыгнул на пол и бесшумно, скользящей походкой направился к выходу.

Юэлао, изрядно раздосадовавший Тайбай Цзиньсина, теперь изо всех сил пытался загладить вину на первом этаже таверны. Посреди очередного извинения он краем глаза уловил, как мимо дверей промелькнула серебристая тень. Ткнув локтем сидящего рядом спутника, он негромко произнёс:

— Гляди-ка, мелкий лис наружу удрал.

Тайбай Цзиньсин до этого момента старательно делал вид, что не замечает настырного бога брака. Однако, услышав новость, он невольно повернул голову — и тут же был пойман. Юэлао

крепко перехватил его за подбородок и собственнически прильнул к его губам. Ошеломлённый такой наглостью, Тайбай Цзиньсин на миг замер от этого прикосновения, но тут же пришёл в ярость. В его левой руке мгновенно сооткался тяжёлый боевой шест, который со свистом обрушился на спину наглеца.

Почувствовав затылком яростный порыв ветра, Юэлао даже не поморщился. Одной рукой он железной хваткой прижал к себе упрямого небожителя, а в другой мгновенно раскрыл изящный нефритовый веер, перехватив удар у самого своего плеча.

Выбравшись из Башни Встречи Гостей, Ху Цзюмин тут же растворился в лазурном мареве. Поначалу он ступал осторожно, прислушиваясь к каждому шороху, но вскоре понял, что улица совершенно пуста. Ни единого скелета. Вокруг царила мёртвая тишина, и лишь редкие тусклые фонари сиротливо покачивались в тумане.

В один миг приняв человеческий облик, Ху Цзюмин поспешил к раскидистому гибискусу у крепостной стены. В густом тумане его зыбкий силуэт легко можно было принять за привидение. Мысль о том, что ужин совсем близко, придавала ему сил, и он шагал быстро, почти летел. Но лис и не подозревал, что из непроглядной мглы за его спиной уже следят десятки алчущих глаз — крылатые призраки-якши плотоядно провожали его взглядом.

На ветвях дерева устроилась на ночлег стая диких гусей. Спасаясь от ночного холода, птицы спрятали головы под крылья, отчего издали казались пушистыми серыми шарами. Ху Цзюмин задрал голову, с вожделием разглядывая добычу. Для него спящие гуси уже давно превратились в сочное, дымящееся жаркое.

Наметив самую крупную птицу, Ху Цзюмин взмахнул левой рукой. В воздухе со свистом развернулась серебряная плеть и мгновенно захлестнула жертву. Резкий щелчок переполошил стаю: уцелевшие гуси с тревожным гоготом взмыли в небо. Лис потянул рукоять на себя, намереваясь сорвать добычу с ветки.

Вдруг сверху дохнуло ледяной могильной сыростью. Прежде чем Ху Цзюмин успел вернуть плеть, из поднебесья камнем рухнули уродливые твари — крылатые, синекожие, с торчащими клыками призраки-якши. Лис мгновенно всё понял: вот почему с наступлением темноты улицы опустели от мертвецов! Ночью безмолвные костяки превращались в летучих бестий.

Хищники скопом набросились на бьющуюся в путах птицу. Не прошло и нескольких вздохов, как обглоданный дочиста гусиный скелет глухо стукнулся о землю.

Такой роскошный ужин испортили! Ху Цзюмин помрачнел. Отступив на шаг от упавших костей, он с яростным свистом полоснул серебряной плетью, рассекая обнаглевших якшей пополам. Проводив взглядом тающий в воздухе чёрный дым, лис угрюмо развернулся. Раз уж улетевшую стаю наверняка сожрут эти летучие твари, ловить тут больше нечего. Лучше вернуться в таверну и выпросить еды у даоса.

Стоило ему убрать оружие и повернуться, как в груди похолодело от раскаяния — зачем только

он полез один на улицу? Дорогу назад преграждало бесчисленное полчище крылатых призраков-якшей. Зависнув на разной высоте, они плотным занавесом перекрыли всё небо. Их фосфоресцирующие зелёные глаза неотрывно и жутко уставились на одинокую фигуру лиса.

Ху Цзюмин молча перехватил рукоять плети. На его лице проступила кривая усмешка. Он начал медленно пятиться. Прибить парочку таких тварей — пара пустяков, но уложить всю эту прорву... Задача казалась не менее невыполнимой, чем уговорить упрямого даоса на парное совершенствование.

С каждым его шагом назад полчище летучих тварей подавалось вперёд. Видимо, лёгкая расправа над их собратьями заставила якшей осторожничать. Кольцо неумолимо сжималось, пока спина лиса не упёрлась в жёсткую кору гибискуса. Надеяться на то, что угрюмый даос вовремя примчится на выручку, больше не приходилось. Выход оставался один — драться до последнего.

Серебряная плеть мгновенно удлинилась на несколько чжанов, очертив вокруг него сияющий защитный круг. Разметая наседающих якшей, Ху Цзюмин улучил секунду и взмыл к самой верхушке дерева. Остаться внизу было верной смертью — твари просто задавили бы числом. На высоте отбиваться ничуть не легче, но там всполохи боя хотя бы увидят из окон таверны.

Духовные силы таяли с пугающей скоростью. Срубив очередную тварь, Ху Цзюмин окутался ярким белым сиянием, и за его спиной веером развернулись четыре пушистых хвоста — его нынешний предел. Но облик первородного девятихвостого лиса лишь сильнее разжёл аппетит тварей. словно обезумев от сладкого аромата его крови, якши хлынули сплошным потоком. За считанные мгновения над кроной гибискуса соткался гигантский, бурлящий сизый шар, сквозь плотную скорлупу которого едва пробивались редкие серебряные искры.

Хуа Цин, стоявший у самых границ Столицы Вечного Веселья, мгновенно почуял неладное. Поскольку битва разыгралась у самого края барьера, сквозь Великий массив Кровавого жертвоприношения он отчётливо разглядел всё до мельчайших подробностей. Бездонная туча крылатых тварей облепила защищающегося одиночку, который из последних сил сдерживал натиск, стремительно погружаясь в живую шевелящуюся тьму.

Хуа Цин равнодушно наблюдал за этой агонией, даже не думая вмешиваться. Будь там хоть сам верховный небожитель, для Императора демонов это не повод пачкать руки.

Но стоило ему отвернуться, как бурлящая сфера в небесах с грохотом разлетелась на куски. Полчища якшей швырнуло в стороны сокрушительной волной, а на их месте вспыхнуло ослепительное белое солнце. В самом сердце этого сияния стоял величественный лис с девятью раскинутыми белыми хвостами. От его тела исходила первозданная мощь, однако сам он едва держался на ногах.

Разметав наседавшую нечисть, Ху Цзюмин почувствовал, как мир вокруг него покачнулся и стремительно померк. Силы окончательно оставили его, сознание угасло, и он камнем рухнул вниз.

Почуввав резкое колебание духовной энергии снаружи, Цзи Цин распахнул глаза. Он инстинктивно глянул себе под ноги, но наглого пушистого комка там не оказалось. Поднявшись, даос шагнул к окну и замер: далеко впереди, в лазурном тумане, завис огромный девятихвостый лис. Мгновение — и зверь, качнувшись, сорвался в свободное падение.

Даос мгновенно растворился в воздухе, устремившись на выручку. Лишь резкий порыв ветра взъерошил седую бороду старика Туди. Тот вздрогнул, открыл глаза и огляделся. На всём этаже не осталось ни души. Сон как рукой сняло. Опираясь на верный деревянный посох, придавленный тревожными мыслями дух земли поспешил вниз.

Увидев, как белое пушистое тело летит к земле, Хуа Цин, сам от себя не ожидая такой прыти, рванулся навстречу. Он без малейших колебаний пересёк Великий массив Кровавого жертвоприношения, но опоздал: статный даос в белоснежном одеянии уже бережно перехватил лиса у самой земли. Почувствовав чужую ауру, незнакомец медленно поднял взгляд и хмуро уставился на незваного гостя.

<http://bllate.org/book/20393/2154938>